

Anna Kulekhova

doktorantka Instytutu Językoznawstwa Rosyjskiej Akademii Nauk

Из этнической истории Прибайкалья

Палеолингвистика – изучение языков народов, живших в глубокой старине – всегда сталкивается со множеством объективных трудностей. Ведь, по большому счету, до нашего времени дошли лишь считанные и фрагментарные свидетельства языковой среды даже наиболее изученных в этом смысле стран – Египта, Двуречья, Европы, Китая. По большому же числу земель и территорий, добрых три четверти человечества – нет и того. И версии, которыми оперируют и которые обсуждают ученые, слишком часто построены буквально на воздухе.

Это касается не только отдаленного прошлого (тысячу, две-три тысячи лет назад), но и сравнительно близкого – исчисляемого столетиями. И даже о тех странах и народах, которые в разное время входили в состав хорошо изученных государственных образований, о которых остались многочисленные письменные источники, далеко не всегда мы можем говорить с достаточной степенью уверенности.

Прибайкалье (понимаемое в «широком» смысле термина – все земли вокруг Байкала, и к востоку, и к западу) вошло в состав Российской империи в XVII–XVIII веках. Но довольно долго (до начала XIX века) интерес России к новому приобретению был весьма утилитарным и в силу этого – ограниченным. Непрерывные и масштабные войны, которые вела Россия – с Речью Посполитой, Османами, Швецией, Пруссией, с Наполеоном – требовали огромных расходов и ограничивали возможности Империи слишком уж подробно интересоваться столь отдаленными своими владениями. Россия нуждалась в бесперебойных поставках пушнины – «мягкого золота», обеспечивавшей значительную (до половины и более в иные года) долю всех бюджетных доходов Империи. А что там творится, в тысячах верст, в месяцах пути от столиц – было мало интересно. Это одна из главных причин скудости известий о первых двух столетиях пребывания Восточной Сибири и Прибайкалья в частности в составе России. Имеющиеся летописи и хроники весьма фрагментар-

ны, документов не так уж много, и о большей части событий, слагающих общую картину, мы можем только догадываться.

Это касается, в частности, и этнической истории Прибайкалья в имперскую эпоху. Первые документальные известия о народах, населяющих Прибайкалье, относятся к началу XVII века. Так, в 1627 году енисейский воевода Андрей Ошанин писал в своей «отписке» в Москву о «ясачной экспедиции» подъячего Максима Перфильева: «А сказывали ему, Максиму, в роспросе шаманские люди, что Братцкая земля богата и людей в ней много, а люди седячие, а берут де братцкие люди ясак со многих с малых землиц у товарищей Братцкой земли. Соболи и лисицы и бобры и бухарских товаров дорогов и киндяков и зенденей и шелков и белья много, и серебра де добре много, а коней и коров и овец и велбудов бесчисленно, а хлеб пашют ячмень и гречю»¹. Эта краткая, в общем, справка описывает страну с оседлым населением, ведущим земледельческо-скотоводческое хозяйство, имеющим развитые торговые отношения с ближними и дальними соседями и подчинившими себе в качестве данников окрестные охотничьи народы. Бросается в глаза, что более всего интересовало воеводу и его посланника: подробное исчисление разновидностей «мягкой рухляди» – пушнины, а также упоминание, что «серебра де добре много», вполне однозначно говорит о чисто фискальном интересе русской администрации к новым покоренным странам.

Нет оснований полагать, что принципиально что-то изменилось и со включением «Братцкой земли» непосредственно в состав Русского царства (Московского государства). Ретроспективно оглядывая ситуацию, в которой Русское царство, позже Российская империя пребывали в XVII–XVIII веках, понятно, что сколько-нибудь массового переселения из Зауральской (Европейской) России в Сибирь просто не могло происходить. В первую очередь – за отсутствием людей, к такому переселению готовых. Империя вела непрерывные войны, неся огромные людские потери (одна Семилетняя война 1757–1761 года обошлась России в 300 тысяч погибших и умерших от ран и болезней – громадная по тем временам цифра). А ведь кроме этого, например, эпоха Петра Первого знаменательна еще и масштабными «великими стройками» – строились каналы, крепости, дороги, морские порты, сотни заводов и мануфактур, строился, в конце концов, целый город – будущая столица Санкт-Петербург. В это же самое время происходило закрепление крестьян к земле, всемерное ограничение мобильности основной массы населения – ибо бесконтрольное переселение крестьян угрожало благосостоянию как «служилого сословия», так и государства в целом. Кто-то же должен был кормить все эти многотысячные армии на войне и не меньшие по численности «трудовые армии» на многочисленных стройках.

Нет сомнения, что основную заботу по хозяйственному «освоению Сибири», по обеспечению продовольствием гарнизонов возникающих острогов и растущих

¹ 1627 г. не позднее января 20. — Отписка енисейского воеводы Андрея Ошанина в Сибирский приказ со сведениями о «Братцкой земле», доставленными подъячим Максимом Перфильевым. // ЦГАДА, ф. 214 – Сибирский приказ, столб. № 6056/12, лл. 87–89. Подлинник.

сибирских городов несло местное, «аборигенное» население. Вряд ли это вело к существенному изменению их прежнего хозяйственного уклада. Исследователи отмечают, что земледелие в Восточной Сибири существует уже за много столетий до прихода в Сибирь русских, и даже до возникновения первых русских государств даже еще в форме Киевской Руси. Так, Доржа Маншеев («Генезис экономики бурятского хозяйства в XIX веке», Улан-Удэ, 2011) пишет, что «земледелие в Предбайкалье широко распространилось во времена Тюркского каганата, а затем перешло по наследству курыканам. В суровых условиях Байкальской Сибири земледелие требовало совместных усилий больших масс людей. Для сплочения и управления этими массами требовалась сильная власть. Такие функции выполняла тюркская аристократия, которая активно содействовала распространению согдийского земледелия в Предбайкалье, а также в некоторых районах Западного Прибайкалья. Однако после распада Тюркского каганата, а затем и автономии курыкан земледелие в Предбайкалье деградирует и становится частью традиционного хозяйства» [Маншеев Доржа Михайлович 2011]. Ситуация вполне понятна: распад прежней (Тюркской) империи привел к сокращению хлебного рынка, и местные жители, население Байкальской Сибири, стали выращивать хлеб только для себя.

Давнее и прочное знакомство с земледелием в Восточной Сибири становится несомненным и при даже беглом анализе структуры хозяйства у бурят. Все источники (например, китайские [Бичурин 1950]) отмечают высокий уровень коневодства у жителей Прибайкалья, разводивших примечательную породу крупных, рослых коней, пригодных для использования в военном строю. Однако разведение таких пород лошадей требует обязательной подкормки их большим количеством овса – на подножном корму, особенно зимой, возможно разведение только малорослых «монгольских» пород. Кроме того, хорошо известно, что бурятская кухня включает в себя немало «хлебных» блюд, требующих зерновой муки – так, знаменитые бурятские позы (*буузэ*), *хотамы* (лепешки), *хушуры* (подобие чебуреков, известных у народов Средней Азии), *саламат* (род каши) невозможны без муки (по-бурятски – *талхын*). В бурятском языке также есть термины, относящиеся к земледелию (*тариалаан* – пашня, *тариалчин* – пахарь, земледелец, *тэрмээ* – мельница, *наниуур* – молотилка, цеп для обмолота зерна, *хадуур* – серп, имеющий иную конструкцию, чем принятый в России, *хажуур* – коса), что также говорит о давнем распространении у бурят земледелия.

Исследователи отмечали особенности ведения земледельческого хозяйства у бурят, свойственного именно для природных условий Восточной Сибири, что не могло быть заимствовано у других народов, в том числе и переселенцев из России.

Буряты применяли свою технологию облагораживания почвы, которая сводилась, во-первых, к обильному удобрению полей навозом (благо, его было, хоть отбавляй), во-вторых, к искусственному орошению. Она позволяла практически постоянно, без залежных промежутков, использовать одни и те же участки, лишь изредка меняя на них яровые на озимые и наоборот. С экономической точки зрения такая агротехника была прогрессивной, в известной степени опережавшей свое время [Михайлов 2000].

Навоз вывозился на поля зимой и ранней весной до таяния снегов. По мере впитывания влаги в почву, навоз равномерно разбрасывали по полю и размельчали

при помощи конного катка (*балуур*). Затем пашня распахивалась и боронилась. Внесение навоза, наряду с орошением, являлось универсальным средством увеличения плодородия сельскохозяйственных угодий. Им в равной степени пользовались как для подъема урожайности пашен, так и для увеличения выхода сена с окультуренных угодий. В улусах появились мастера «по водопроводной части», которые брали подряды на устройство больших и малых каналов, на поднятие воды запорами и т.д.

Необходимо отметить, что искусственное орошение полей известно здесь еще с глубокой древности. Горный характер местности Забайкалья, множество поперечных падей рек и речек, примеры древних насельников края — все это значительно облегчало устройство ирригации.

Большинство ирригационных сооружений, предназначенных для орошения пашен, были несложными. Для полива устанавливалась очередь, а для наблюдения «за состоянием канав, плотин и запруд и за правильным распределением воды по очередям», а также для «разбирательства могущих возникнуть при поливе споров» выбирались «поливные старосты», которые назывались у бурят *дамал, усунэ, сабуха* [Асалханов 1963: 32].

Таким образом, при вхождении Восточной Сибири в состав Российского государства в XVII–XVIII веках не принесло – и не могло принести – на вновь покоренные земли каких-то новшеств в смысле хозяйственных технологий. И земледелие, и животноводство здесь было известно издавна, и стояло на уровне технологий не ниже, чем в европейской России (где, например, не было известно тогда ирригации, а использование удобрений было в зачаточном состоянии).

Что стало действительно важным фактором развития экономики – это возникновение сначала острогов, а потом и городов, со значительным не-сельскохозяйственным населением (служилые люди, чиновники). Эта доселе небывало многочисленная категория населения была существенным потребителем продовольствия, и сыграла, безусловно, важную роль в развитии продуктового рынка – в том числе, разумеется, и продуктов земледелия. Это не могло не вызвать (и вызвало) значительное увеличение запашки зерновых, посевов хлебных культур – поскольку, разумеется, значительная часть служилых людей и практически все чиновники были происхождения из-за Урала, и им требовалось больше хлебного рациона в питании.

В то же время не вызывает сомнений, что это увеличение поставок хлеба на продуктовый рынок могло быть выполнено главным образом усилиями местного, коренного населения, в первую очередь бурят. Почему не вызывает сомнений? Просто потому, что сколько-нибудь массовое переселение крестьян из европейской России в Восточную Сибирь в то время было невозможным.

Для понимания этого надо оценить ситуацию в Российском государстве в целом. Это время (с середины XVII по середину XVIII века) – эпоха непрерывных войн, которые Россия вела попеременно (а часто и одновременно) с сильнейшими державами Европы – Речью Посполитой, Империей Османов, Швецией. Именно со времени правления Петра I (1695–1725 гг.) на Руси было оформлено крепостное право, резко ограничившее саму возможность перемещения населения, в первую очередь – крестьянского, земледельческого сословия из мест своего изначального

проживания. Численность российского мужского населения за время петровского царствования сократилась на треть [Орлов]. Не вызывает сомнений оценка итогов правления Петра Великого как «одна из крупнейших в истории России демографических катастроф» [там же]. И в силу этого примечательна существующая оценка изменения численности населения в различных регионах новорожденной Империи.

За период между подворными переписями 1686–1710 гг. население центральных и северо-западных губерний, выносившего основной груз государственного бремени, сократилось на 21–40% (Санкт-Петербургская – на 40,3%, Москва на 24%, Смоленск на 21,2%), тогда как в периферийных регионах даже увеличилось пропорционально удаленности от столицы (Киевская – на 2,6%, Казанская – на 14,8%, Азовская – на 36%, Сибирская на 47,9%) [там же]. Откуда столь существенный прирост? Внутренняя миграция представляется крайне маловероятной (по уже названным выше причинам – военные потери, массовая мобилизация трудоспособного населения на многочисленные «стройки века», начиная с самой новой столицы Санкт-Петербурга). Разумеется, были и беглые – но этот фактор скорее имеет значение для Киевской или Азовской губерний (до них сравнительно недалеко, и географические, климатические условия жизни и хозяйствования не слишком отличаются от центрально-российских). А представить себе «беглого», добравшегося на своих двоих за тысячи верст по неведомой стране из Калуги или Твери до Енисея или до Байкала – практически невероятно.

Остается одно объяснение – прирост населения в Восточной Сибири был в первую очередь и главным образом за счет «переквалификации» коренных жителей.

Так, в 1709 году население Сибири считалось в 229 227 душ, из них податных сословий 130 957 душ [Ядринцев 1892: 128]. Автор оговаривается, что «в эту перепись, вероятно, не входило множество народа, скитавшегося по Сибири» [там же]. Несомненно, однако, что эта перепись и не различала переселенцев из Зауральской России и коренных жителей, крещеных в православие и вместо ясака принявших обязанность платить общепринятую подать. Столетием ранее (в 1622 году) население Сибири считалось в 70 000 душ (среди них 7400 ссыльных) [там же: 27]. Именно в это столетие к Российскому государству «приросли» обширные страны и земли к востоку от Енисея – в том числе Прибайкалье и Якутия. Число же переселенцев совершенно ничтожно – 500 «пришельцев» в 1688 году, 624 души – в 1697 году (из коих, «к сожалению, и третьей доли не дошло до места») [там же]. Поток переселенцев возрастает в XIX веке (так, за первую половину XIX века в Сибирь – главным образом Западную, Тобольскую и Томскую губернии – переселилось до 100 000 душ [там же: 136]). Эти переселенцы, безусловно, испытывали немалые сложности в налаживании своего быта и хозяйства в весьма незнакомой им географической и климатической среде, серьезно отличавшейся от привычной им России.

Выше уже сказано, что единственным существенным изменением для традиционного хозяйствования коренных жителей Восточной Сибири было существенное расширение хлебного, и вообще продовольственного рынка. Что, безусловно, было им только на руку. Им оставалось лишь увеличить хлебную запашку, учитывая выросшее потребление хлебного зерна обитателями острогов и городов. Для «центра»

в эпоху непрерывных (и крайне затратных) войн и масштабных строек Сибирь имела лишь одно значение – бесперебойного источника «валютного товара», пушнины, получаемой в форме ясака (форма дани, установленная еще Законами Чингисхана, «Ясой»). Графа «национальность» в тогдашних ревизских переписях отсутствовала, как и само это понятие – оно родилось лишь в середине XIX века, прежде учитывались лишь вероисповедание и сословная принадлежность. Нетрудно предположить, что и население Сибирской губернии Российской империи росло в первую очередь именно за счет «легализации» коренного населения, принимавшего «веру царя» и принимавшего на себя обязанности продовольственных поставок – вместо обременительного для скотоводов и земледельцев пушного ясака. Бурят-скотовод, принявший крещение, становился по всем категориям православным – а согласившись вместо ясака платить подушную подать зерном и мясом попадал в разряд крестьян. И с этого момента юридически (и статистически) уже ничем не отличался от любого православного крестьянина Казанской, Тверской, Московской и т.д. губерний Российской империи.

Но это правовая «переквалификация» населения, разумеется, мало касалась повседневной, бытовой стороны их жизни. Разумеется, в какой-то мере новоявленным православным крестьянам в Прибайкалье (и казакам в Забайкалье [напр., Евграф Савельев 1913: 2–3–4]), так или иначе приходилось говорить на официальном языке Империи – в общении с властями, с городским приезжим населением, с чиновниками и духовенством. В то же время они, безусловно, сохраняли и свой родной язык, в Прибайкалье – главным образом бурятский.

В XIX веке, когда переселенчество из России в Сибирь увеличилось в масштабах (во многом за счет ссыльнопоселенцев, но также и вольного переселенчества), новые обитатели Восточной Сибири оказывались в той же уже традиционно сложившейся двуязычной среде. Факт наличия – и развития – которой фиксируется во множестве современных источников.

В течение весьма продолжительного времени входящие в состав Российской империи обширные территории Восточной Сибири были откровенно двуязычны, причем это касалось не только распространения «имперского официального» русского языка среди аборигенов, но и – в свою очередь – широкого распространения местных языков (в первую очередь – бурятского) среди русского населения края. Русские – купцы, казаки, крестьяне – в массе своей более или менее свободно владели бурятским языком, что, конечно же, было вызвано как «чересполосным» расселением русских и бурят, так и весьма многообразными хозяйственными и культурными связями между ними, их давнишним и тесным сотрудничеством во всем многообразии жизненных ситуаций.

В 1864 г. ссыльный князь П.А.Кропоткин (впоследствии знаменитый анархист), адъютант военного губернатора Забайкальской области, в своем дневнике писал: «Казаки и казачки говорят по-бурятски не хуже, чем по-русски, и выучиваются этому языку с самого раннего возраста» [Кропоткин 1867]. А в 1868 г. известный ученый и путешественник И.С.Поляков в своем научном отчете в Сибирское отделение РГО отметил: «В среде самих русских жителей бурятский язык распространен так

же, как французский в среде европейской аристократии; его знают старый и малый, мужчины и женщины. Мужчины в особенности, они не только с бурятами, но даже между собой объясняются по-бурятски» [Поляков 1869].

Русское население училось говорить на бурятском языке из практических соображений, особенно при торговле с бурятами. «Очень значительная и прибыльная торговля ведется с прилегающими населенными пунктами, а именно с бурятами, которых очень много, они зажиточны, имеют пушнину, скот...», – писал путешественник Джон Кохрен [Наш бурятский как их французский 2015].

Очень прочными позиции бурятского языка были в среде Забайкальского казачества – изначально имевшего крайне «пестрый» этнический состав. Так, отец известного атамана Г.М.Семенова был казак из Дульдурги бурятского происхождения, крещеный в православие. Сам будущий атаман с детства рос в двуязычной среде, прекрасно владея как русским, так и бурятским языком [Юзефович 1993].

Впоследствии, со строительством Транссибирской железной дороги, в особенности – после революции 1917 года, Гражданской войны, советской индустриализации, Великой Отечественной войны, с началом масштабного хозяйственного развития Восточной Сибири в послевоенное время этнический состав существенно изменился, и влияние бурятского языка среди многочисленных вновь прибывших из разных частей Российской империи и СССР людей уже было небольшим, или отсутствовало вовсе.

Ситуация последних десятилетий (распад СССР, формирование новой Российской федерации) ставит, однако, и новые проблемы и открывает новый этап этногенеза, вместе с сопутствующим ему развитием языковой ситуации. Российская федерация, по действующей Конституции 1993 года, состоит из 85 государств (республик и равноправных им краев и областей) [Конституция Российской Федерации, статья 5]. Государственность же предполагает складывание в ее рамках особой этничности – возможно, и входящей в состав более крупной цивилизационной общности, но тем не менее вполне выраженной.

В повестку дня развития федерализма в России сегодня поставлено развитие региональной идентичности, что считается одним из важнейших условий сохранения стабильности и развития. В большинстве регионов наблюдается формирование устойчивого политического курса, направленного на практическое и рациональное использование региональной идентичности. Наибольшее внимание региональные власти уделяют символическому позиционированию, брендингу территорий, что рассматривается ими в качестве предпосылки решения прагматичных задач, стоящих перед региональными сообществами, начиная от формирования инвестиционной и туристической привлекательности регионов и заканчивая улучшением социального климата территорий, сокращающего утечку человеческого капитала [Назукина 2011]. В этом смысле сохранение и развитие русско-бурятского двуязычия может и должно стать важной составляющей региональной идентичности Восточной Сибири, выполняя существенную роль в решении далеко идущих задач государственного строительства.

Литература

Асалханов И.А., *Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в.*, Улан-Удэ 1963.

Бичурин Н.Я. [Иакинф], *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, Москва–Ленинград 1950.

Конституция Российской Федерации, статья 5.

Кропоткин П.А., *Поездка в Окинский караул // Записки Сибирского отд. Имп. Русского географического об-ва*, 1867.

Маншеев Д. М., *Генезис экономики бурятского хозяйства в XIX веке*, диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, Улан-Удэ 2011.

Михайлов В.А., *Земледелие западных бурят в XVII начале XX вв.*, дис. канд. ист. наук. Улан-Удэ 2000.

Назукина М.В., *Структурные уровни региональной идентичности в современной России*, „Регионоведение”, №46, 2011.

Наш бурятский как их французский – МК в Бурятии, 27 мая 2015, <http://ulan.mk.ru/articles/2015/05/27/nash-buryatskiy-kak-ikh-francuzskiy.html>.

Орлов И.Б., *Петровская историческая трансформация России*, http://rusrand.ru/files/history/09-Petr_I.pdf.

Отписка енисейского воеводы Андрея Ошанина в Сибирский приказ со сведениями о «Братцкой земле», доставленными подъячим Максимом Перфирьевым // ЦГАДА, ф. 214 – Сибирский приказ, столб, № 6056/12, лл. 87–89, Подлинник.

Поляков И.С., *Отчет о поездке в Восточный Саян // Отчет о действиях Сибирского отдела РГО за 1868г.*, Санкт-Петербург 1869.

Савельев Е., *Племенной и общественный состав казачества (исторические наброски)*, „Донские областные ведомости”, № 203, 19.09.1913 г.

Юзефович Л.А., *Самодержец пустыни*, Москва 1993.

Ядринцев Н.М., *Сибирь как колония*, Санкт-Петербург 1892.

Abstract

On the ethnic history of the Priбайkalye

Article considers some questions of the ethnic history of Baikal Region. Joining of Eastern Siberia into the Russian State. The preservation and development of Russian-Buryat bilingualism can and should become an important component of regional identity in Eastern Siberia, performing a significant role in addressing far-reaching tasks of nation-building.

Keywords: paleolinguistics, ethnic, Buryat language, Baikal region, Buryat, history